

ДЖОРДЖ ЛАКОФФ

Когда когнитивная наука приходит в политику: Ответ на рецензию Стивена Пинкера¹

На протяжении четверти века Стивен Пинкер и я занимали противоположные позиции в интеллектуальном и научном расколе относительно природы языка и мышления. До появления его рецензии на мою книгу «Чья свобода?» этот раскол ограничивался только академическим миром.

Но недавно проблема мышления и языка вышла в политику. В XXI в. больше нельзя заниматься политикой с представлениями о мышлении, оставшимися неизменными с XVII в. Политические проблемы в нашей стране и мире слишком серьезны.

Пинкер, уважаемый профессор из Гарварда, был наиболее вменяемым представителем старой теории. В языке она выражается в тезисе Ноама Хомского, что язык представляет собой (в формулировке Пинкера) «автономную совокупность синтаксических правил». Это значит, что язык считается просто набором абстрактных символов, не имеющих никакого отношения к тому, что эти символы значат, как они используются в коммуникации, как мозг производит мыслительные операции, используя язык и различные аспекты человеческого опыта (культурного или личного).

На протяжении многих лет я стоял на другой стороне, приводя свидетельства, что все это имеет отношение к языку, и недавние свидетельства когнитивной и нейронауки показывают, что язык предполагает соединение всех этих способностей. По мере дальнейшего развития науки, старые представления утратят основания.

В мышлении эти представления восходят к рационализму Декар-

¹ George Lakoff. When Cognitive Science Enters Politics: A Response to Steven Pinker's Review of *Whose Freedom?* <http://www.rockridgeinstitute.org/research/lakoff/whencognitivescienceenterspolitics>.

та в XVII в. Представление о мышлении как о символической логике было сформулировано Бертраном Расселом и Готлобом Фреге на рубеже XX в., и рационалистическая интерпретация была возрождена Хомским в 1950-х гг. С этой точки зрения, мышление — это вопрос (в формулировке Пинкера) «старомодного... универсального разума». Здесь разум представляет собой манипуляцию бессмысленными символами, как в символической логике.

Новое представление заключается в том, что разум имеет материальное воплощение. Мозг вызывает мысли в виде концептуальных рамок, образов-схем, прототипов, концептуальных метафор и концептуальных смесей. Процесс мышления — это не алгоритмическая манипуляция символами, а скорее нейрональное вычисление с использованием механизмов мозга. Эти механизмы рассматриваются в недавней книге Джерома Фельдмана «От молекул к метафорам».

Вопреки Декарту мышление использует именно такие механизмы, а не формальную логику. Мышление преимущественно бессознательно, и, как писал Антонио Дамасио в «Ошибке Декарта», рациональность *требует* эмоций.

Старый экономический подход связан с моделью рационального актора, в которой все экономические участники предположительно действуют в соответствии с формальной логикой, включая вероятностную логику. Дэниел Канеман получил Нобелевскую премию по экономике за свои работы с Амосом Тверски, показывающие, что реальные люди в своих экономических рассуждениях пользуются рамками, прототипами и метафорами, а не классической логикой.

Эти вопросы важны для прогрессивной политики, потому что многие прогрессисты руководствовались старым рационалистическим представлением, согласно которому если вы сообщите людям факты, то они придут к верным выводам, поскольку разум универсален. «Старомодный... универсальный разум» также предполагает, что все мыслят одинаково, что различия в мировоззрениях не имеют значения. Но всякий, кто видел современные ток-шоу, знает, что не все думают и рассуждают одинаково и что мировоззрение имеет значение.

Между мной и Пинкером есть еще одно расхождение. Пинкер интерпретирует Дарвина в социал-дарвинистском духе. Он использует метафору выживания как борьбы за генетическое превосходство. Он стал одним из основных представителей направления эволюционной психологии, которое утверждает, что между мужчинами и женщинами существуют генетические различия, восходящие к доисторическим различиям в гендерных ролях. Это приводит его к поддержке тезиса Лоренса Саммера о том, что женщин в науке меньше, чем мужчин, из-за генетических различий. К счастью, у этой неудачной метафорической интерпретации Дарвина не слишком много сторонников.

Это расхождение важно, потому что мой когнитивный анализ — в «Моральной политике» — консервативных и прогрессивных идеоло-

гий с точки зрения метафоры нации как семьи не согласуется с его версией эволюционной психологии. Серьезность современной политики в Америке делает такие вопросы не просто игрой словами. Если я — и другие нейрочеловеки, когнитивные ученые и когнитивные лингвисты — прав, то Пинкер неправ, и наоборот. Но Пинкер справедливо поднимает вопросы и доносит обсуждение этих академических вопросов до общественности.

К сожалению, его рецензия на мою книгу «Чья свобода?» оказалась грубым нападением исподтишка. Из его рецензии вы никогда не поймете, о чем моя книга. На самом деле, она о том, что свобода — это спорное понятие, насчет которого у людей имеются различные версии, зависящие от их ценностей. Эта книга объясняет, как консервативная и прогрессивная идеологии растягивают ограниченное общее представление о свободе в противоположных направлениях, чтобы развить две противоположные версии «одного и того же» понятия.

В рецензии используются две риторические стратегии:

- Во-первых, утверждение, что я говорю ровно противоположное тому, что я на самом деле говорю. Указание на то, что это смешно. Затем высмеивание меня за то, что я говорю такие вещи. Пинкер постоянно использует такую тактику.
- Во-вторых, предположение, что его старая теория однозначно верна и что все остальное — радикально и безумно. Он использует вторую стратегию в своей политике и теории мышления.

Вот некоторые примеры.

Пинкер представляет результаты исследования концептуальной метафоры следующим образом:

«Концептуальная метафора, согласно Лакоффу, показывает, что все мышление основывается на неосознанных физических метафорах...»

На самом деле я утверждал совершенно обратное.

- В двенадцатой главе «Метафор, которыми мы живем» рассматриваются неметафорические основания концептуальных систем.
- Вторая глава «Больше, чем холодный разум» начинается с раздела «Что не является метафорическим».
- Половина работы «Женщины, огонь и опасные предметы» посвящена неметафорическому концептуальному анализу, предвещающему примеры метафорического мышления.
- Марк Джонсон и я в «Философии во плоти» (см.: Гл. 3) рассматривали основные механизмы мышления, не связанные с метафорой, например, образы-схемы, концептуальные рамки (иногда называемые в психологии просто «схемами») и различные прототипические структуры.

Метафорическое мышление основывается на этих широких и необычайно важных аспектах неметафорического мышления. Система мета-

форического мышления обширна, как подробно показывают книги по когнитивной науке. Результаты, полученные другими направлениями когнитивной науки и доказывающие реальность бессознательной концептуальной метафоры, приведены в шестой главе «Философии во плоти».

После заявления о том, что я полагаю, будто все мышление метафорично, Пинкер приступает к критике, заняв позицию, которая на самом деле отстаивается мною: «Мышление не может вестись напрямую в метафорах». Но я не просто говорю об этом, но и доказываю это эмпирически.

Пинкер имеет превратное представление и об исследованиях в своей профессиональной области — психологии. «Лабораторные эксперименты подтверждают, что люди не задумываются об образе, лежащем в основе знакомой метафоры, и вспоминают о нем, только сталкиваясь с новой». Но эксперименты доказывают обратное, как показали Рэй Гиббс из Калифорнийского университета в Санта-Круз и Лера Бородицки из Стэнфорда, работа которой удостоилась премии Национального научного фонда США.²

Кроме того, Пинкер неверно истолковывает основные результаты современных исследований метафоры: метафора — это вопрос мышления, а не просто языка. Одни и те же слова могут относиться к различным концептуальным метафорам. Возьмем знакомый пример: *It's all downhill from here* может означать либо (1) все становится хуже и хуже, исходя из метафоры «хорошо — верх, плохо — низ», либо (2) все становится проще и проще, исходя из метафоры, в которой действие понимается как движение («все идет, как надо»), а «простое действие» как легкое («все идет само собой») движение. В литературе полно таких примеров.

Одна из моих постоянных тем — это важность фактов и необходимость наличия правильной системы для понимания этих фактов. При наличии рамок, которые не согласуются с фактами, находящиеся в мозгу рамки останутся, а факты не будут замечены. Именно поэтому установление рамок столь важно для раскрытия правды. Именно поэтому я писал в «Не думай о слоне!»:

Факты важны. Они имеют решающее значение. Но они должны быть помещены в соответствующие рамки, чтобы стать действенной частью публичного дискурса. Необходимо знать, что факты имеют отношение к моральным и политическим принципам. Мы должны помещать такие факты в рамки так эффективно и чест-

² Подробнее см.: Gibbs R. *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. New York: Cambridge University Press, 1994. *Metaphor in Cognitive Linguistics* / Eds Gibbs R., Steen G. Amsterdam: John Benjamins, 1999. Katz A., Cacciari C., Gibbs R., Turner M. *Figurative Language and Thought*. New York: Oxford University Press, 1998. Boroditsky L. *Metaphoric Structuring: Understanding time through spatial metaphors* // *Cognition*. 2000. Vol. 75. No. 1. P.1–28.

но, как только можно. И честное помещение фактов в рамки приведет к тому, что другие рамки смогут быть проверены другими фактами (pp. 109–110).

Короче говоря, я отстаиваю реалистические позиции в понимании работы мышления и мира. Поскольку мышление работает с рамками и метафорами, задача состоит в использовании мышления для точного описания того, как работает мир. Именно в этом заключается суть «изменения рамок» — исправления рамок, искажающих истину, и выявления рамок, позволяющих увидеть истину.

Но Пинкер настаивает, что я говорю обратное, что вместо того, чтобы быть реалистом, я являюсь когнитивным релятивистом: «Все это отвергается когнитивным релятивизмом Лакоффа, в котором математика, естественные науки и философия оказываются конкурсами красоты между соперничающими рамками, а не попытками описания природы реальности. Это делает несостоятельными и его советы на политической арене. Лакофф предлагает прогрессистам не разговаривать с консерваторами на их языке, не апеллировать к истине и не обращать внимания на опросы общественного мнения. Вместо этого они должны попытаться закрепить новые рамки и метафоры в умах избирателей. Он пишет, что здесь не о чем беспокоиться — это не манипуляции или пропаганда...».

В «Не думай о слоне!» я прямо писал о манипуляциях и пропаганде:

Манипулирование является злоупотреблением рамками. Манипулирование используется, когда случается или говорится нечто неудобное, и это попытка наложить на произошедшее или сказанное невинную рамку, которая позволяет этому неудобному зазвучать нормально или даже приятно.

Пропаганда — это еще один вид злоупотребления рамками. Пропаганда — это попытка заставить публику принять рамку, которая не является истинной, когда известно, что она не является истинной, для получения или сохранения политического контроля.

Предлагаемое мной изменение рамок не имеет отношения ни к манипулированию, ни к пропаганде. Прогрессистам необходимо научиться использовать рамки, в которые они действительно верят, рамки, которые выражают их реальные моральные взгляды. Я решительно выступаю против любых рамок, вводящих в заблуждение (pp. 100–101).

И здесь Пинкер вновь приписывает мне вещи, полностью противоположные тем, что я говорю на самом деле.

Одно из наиболее важных для политики открытий когнитивной науки заключается в том, что рамки являются ментальными структурами, которые могут быть связаны либо со словами (поверхностные рамки), либо со структурами более высокого уровня организации знания. Поверхностные рамки удерживаются без труда только в том случае, если они вписаны в структуры более высокого порядка, наподобие мировоззрений

строгого отца/сочувствующего родителя, подробно рассмотренных мною в «Моральной политике» и других работах. И в «Размышлениях о главном» я (вместе с моими коллегами по Институту Рокриджа) писал:

Поверхностные рамки ассоциируются с фразами вроде «войны с террором», которые одновременно активизируют глубинные рамки и зависят от них. Они представляют собой наиболее базовые рамки, которые образуют моральное мировоззрение или политическую философию. Глубинные рамки определяют весь «здоровый смысл». Без глубинных рамок поверхностным рамкам не на что опереться. Лозунги не имеют смысла без соответствующих глубинных рамок (р. 29).

Эта мысль содержится и в других моих книгах, посвященных применению когнитивной науки к политике. И вновь Пинкер утверждает, что я говорю ровно противоположное. «Когнитивная наука не доказала, что люди усваивают рамки при помощи повторения. Напротив, информация сохраняется, когда она соответствует более общему пониманию человеком предмета». Но именно об этом я и говорю! Глубинные рамки определяют «более общее понимание человеком предмета», а поверхностные рамки могут «сохраняться» только тогда, когда они соответствуют более глубоким рамкам.

Я постоянно говорю о том, что американцы обычно держат в своих мозгах обе модели — строго отца и сочувствующего родителя. Например, в «Чьей свободе?» я пишу: «В конце концов, — и это главное — обе модели содержатся в мозгах почти всех американцев». Вся десятая глава «Не думай о слоне!» посвящена этому феномену. В «Размышлениях о главном» речь об этом идет в главе под названием «Биконцептуализм». Но Пинкер настаивает: «Это не значит, что люди придерживаются одной рамки, которая повсюду должна выявляться когнитивной лингвистикой, так как люди могут легко переключаться между множеством рамок, которые становятся доступными благодаря языку». Не все настолько гибки, чтобы переключаться с консервативного на прогрессивное мировоззрение, но многие могут переходить с одних позиций на другие в конкретных областях жизни — или ситуации выборов, — как я показываю.

В «Чьей свободе?» я также рассматриваю различие между *свободой от* и *свободой для* (р. 30). И на протяжении всей книги я показываю, что и прогрессивная, и консервативная версии свободы используют как *свободу от*, так и *свободу для*. Например, прогрессисты уделяют особое внимание свободе *от* нужды и страха, а также *от* слежки правительства за гражданами и от медицинского вмешательства в решения семьи, и свободе [*для*] возможностей и самореализации в жизни (например, в образовании и здравоохранении). Консерваторов заботит свобода *от* вмешательства правительства в дела рынка (например, путем регулирования) и свобода [*для*] пользования своей собственностью так, как им угодно. Короче говоря, ссылки на Исайю Берлина в этом случае неуместны.

Пинкер ведет себя так, словно я ничего не говорю об этом различии: «Лакофф вновь не уделяет большого внимания использованию наработок предшественников. Существует два вида свободы». А затем он начинает рассказывать мне о *свободе от* и *свободе для*, хотя в книге постоянно говорится об этом. И что еще хуже — его рассказ просто неверен. Он делает старомодные заявления, которые попросту не работают. Это легко увидеть, если прочесть мою книгу.

В седьмой главе «Чьей свободы?» также рассматриваются отношения между прямой и системной причинностью. В самом начале этой главы я говорю: «Конечно, это не значит, что консерваторы слабоумные и не способны мыслить с точки зрения сложных систем. На самом деле консервативные стратеги постоянно побеждают прогрессивных стратегов, когда речь заходит о долгосрочных стратегических инициативах». По утверждению Пинкера, «нужно невероятное невежество (или нахальство), чтобы, как Лакофф, утверждать, что только прогрессисты, вроде него, способны понять различие между системной и прямой причинностью».

Я закончу на этом, хотя та же тактика постоянно используется в его рецензии.

Результаты, полученные нейронаукой и когнитивной наукой, показывают, что, вовсе не обращаясь к «старомодному универсальному разуму», люди на самом деле мыслят с помощью рамок, прототипов, образов-схем и метафор — и делают эмоции важной составляющей рациональности. Все эти механизмы воплощены — они связаны с мозговой структурой и нейрональными вычислениями — с одной стороны, и телесным опытом — с другой. Они лежат за пределами формальной логики, которая составляет основу современной версии рационалистической мысли XVII в.

Что нужно делать перед лицом такой реальности? В «Чьей свободе?» я выступаю за «более высокую рациональность», образ мысли, который учитывает достижения когнитивной и нейронауки, — рациональность, которая говорит о рамочном и метафорическом мышлении и обсуждает его последствия для политики. Но это возможно только при понимании подлинной природы мышления и ее честном и открытом общественном обсуждении.

Какие выводы можно сделать из «рецензии» Пинкера? Почему он постоянно приписывает мне вещи, полностью противоположные тому, что я говорю? Я могу выдвинуть два объяснения:

1. Он ощущает угрозу и пытается ударить исподтишка, чтобы получить конкурентное преимущество любой ценой.
2. Он мыслит в старых рамках, которые мешают ему принимать новые идеи и факты, не вписывающиеся в его рамки. Поскольку он может понимать, что я говорю, только с точки зрения своих старых рамок,

ему мои слова кажутся бессмыслицей. То есть поскольку факты, озвучиваемые мной, не соответствуют его рамкам, его рамки остаются, а факты приводятся в соответствие с его рамками.

Я не знаком с Пинкером настолько хорошо, чтобы знать, какой из этих вариантов является верным или, возможно, существует какое-то третье объяснение.

* * *

Если вы желаете познакомиться с тем, что я говорил на самом деле, я отсылаю вас к следующим книгам и обширным библиографиям, приведенным в них:

Неполитические книги:

Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004 (в соавторстве с М. Джонсоном).

Женщины, огонь и опасные предметы: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor (with Mark Turner). Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Philosophy. (with Mark Johnson). New York: Basic Books, 1999.

Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being. New York: Basic Books, 2000.

Применение к политике:

Moral Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1996. (Second edition, 2003).

Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. White River Junction, VT: Chelsea Green, 2004.

Whose Freedom? The Battle Over America's Most Important Idea. New York: Farrar Strauss Giroux, 2006.

Thinking Points: Our American Vision and Values; A Progressive's Handbook (with the Rockridge Institute). New York: Farrar Strauss Giroux, 2006.

Перевод с английского Артема Смирнова